

История 1 — Две фигуры зимним днем

Пушистый снег, искрящийся под мягким зимним солнцем, лежал посреди рынка на площади Революции в столице Либерте-эт-Эгалите. Здесь шел базар в честь скорого праздника Искупления. Это был фестиваль огня, день прощения, проводимый ежегодно перед приходом весны, правда, со временем смысл праздника был утрачен, и теперь он воспринимался просто как еще одно календарное событие.

Прогуливаясь по базару, полному возбуждения от наступающего праздника, одиннадцатилетняя Лена в какой-то момент остановилась. Все вокруг были в компании друзей, семей или возлюбленных, и лишь Лена, казалось, бродила здесь одна. Любимого человека у нее нет, отец погиб, когда она была еще маленькой, а мать всячески открепивалась от подобной простонародной суеты. И поскольку она часто перескакивала классы, друзей-ровесников у нее было немного, только один.

А раз так, то, возможно, пришла сюда Лена одна потому, что иначе быть просто не могло.

Все-таки каждую свободную минуту она рвется стать солдатом, чтобы однажды оправдать слова человека, спасшего ее. Девочка ни разу не сетовала на свой выбор... но в такие моменты чувствовала щепотку сожаления.

Лена взглянула на ясное зимнее небо, совсем не такое, каким оно было в тот злополучный день. Мой спаситель все еще там, сражается под этим небом? Смог ли он воссоединиться с братом, как того хотел? Хотя бы на одно мгновение?

Слова сорвались с ее губ, дрожащих на холодном ветру, пока она стояла и смотрела на лазурное небо над полем боя.

□

Была слабая надежда найти лопату в развалинах давно заброшенного города. Скелет, почти полностью лишенный плоти, очень вряд ли растащат животные, об этом можно даже не волноваться. Еще выходило, что желаемую могилу можно было сделать неглубокой, но рыть-то надо мерзлую землю, так еще и штыком — эта непосильная задача усложнялась еще тем, что Шин, которому лишь недавно исполнилось двенадцать, не начал даже расти.

Не приди ему на помощь Файд, провозился бы он с этим весь день.

По итогу как-то справился до захода солнца. Прислонившись к Файду, которого использовал как укрытие от ветра, он стоял напротив скромного холма и пил горячую воду, полученную после топки снега.

Надгробия для «восемьдесят шесть» не разрешались, и цветы он тоже не мог положить на

могилу — не росли они в заснеженных руинах. Ночной снегопад сменился ясным голубым небом, но вокруг — ни души. Шину нечего было сказать брату, низведенному до обесцвеченных костей.

Да и толку, даже если он похоронил здесь останки брата, его призрак бродит где-то там.

Конец штыка изрядно затупился после копания земли, холодной и твердой, как сталь. Он держал бронепластину Джаггернаута своего брата, вырезанную Файдом, и загоразивал ею солнце. На этой жалкой пластинке из алюминиевого сплава, до того тонкой, что не выдержит даже пулеметный огонь, был нарисован безголовый рыцарь-скелет.

Обезглавленный призрак, incapable уйти на тот свет.

Личная метка казалась чуть ли не насмешкой над самим Шином, но выяснить, почему брат выбрал себе такую, он уже не сможет.

Файд, не сдвинув контейнер, к которому прислонился Шин, покрутил оптическим сенсором и единожды моргнул круглым объективом.

— Пи...

— Нет, не будут они волноваться, если я не вернусь в ближайшее время. Командир бригады обслуживания вообще меня не переносит.

Шин самоуничижительно улыбнулся, вспоминая молодого командира на базе своего отряда. Мальчик не считал его плохим человеком. Тот просто заботился о процессорах на десять лет младше его самого, и поэтому терпеть не мог «Бога Смерти», забирающего жизни всех вокруг.

Капитан отряда, который дружил с этим самым командиром еще с лагеря для интернированных и, вроде как, опекал Шина, самого младшего в их группе, тоже погиб в бою прошлой ночью.

И остальные из отряда погибли. Снова.

Ждать его возвращения некому. Никто не ждет, что он выживет — никто не хочет этого, прежде всего. Но он знал, что должен. Даже в такие моменты тусклое желание цепляться за жизнь не пропадало.

Глядя в лазурное небо, куда уставились останки брата, он прошептал, хотя и понимал, что с ним не согласятся и не поспорят.

□

Либерте-эт-Эгалите и поле боя разделяли сотни километров, между мальчиком и девочкой были стены Гран-Мюр, минные поля и помехи поденок. И тем не менее...

□

На углу улицы, куда праздничная толпа не посмотрит, она глядела на восточное небо над полем боя.

— Холодно...

□

На углу оставленного поля боя, в руинах, заваленных снегом, он глядел на западное небо, куда сядет солнце.

— Холодно, да?..

□

И никто из них не догадывался, что в этот миг они пересеклись взглядами и произнесли одни и те же слова обветренными губами.

История 2 — 25 августа (день рождения Райдена)

— Сегодня не твой день рождения?

От внезапного вопроса Райден нахмурился. Прошло больше года с начала его мучительной жизни в восемьдесят шестом секторе. И столько же он знал своего малоприятного капитана, Бога Смерти, который и задал этот неуместный вопрос.

Но если так подумать, то это так. Райдену сегодня исполнилось тринадцать. Шину было столько же.

— Д-да. И правда.

Он совсем забыл, ведь дни рождения здесь, в восемьдесят шестом секторе, не празднуют. К тому же какой толк от этих дат, не было его. Но Райден тут подумал кое о чем и спросил — и нет, из-за разницы в несколько месяцев он ни за что не станет считать Шина старшим.

— А твой когда?

— Забыл, — равнодушно отозвался он.

Он не уклонялся от ответа, просто действительно не помнил, и судя по тону, его это совсем не трогало. Через несколько лет ему скажут, что он родился в мае, но пока, конечно, им не у кого было это узнать.

Шин затем чуть наклонил голову и спросил:

— Отпразднуем, раз такое дело?

— Было бы неплохо, наверное...

Не один Шин безразлично признавал, что забыл свой день рождения, большинство их товарищей по отряду не помнили эту дату. Они с трудом вспоминали время до высылки в восемьдесят шестой сектор. Памятные моменты сгорели в пламени войны.

И все же Райден помнил, так что, быть может, это не такая уж и плохая идея — отпраздновать.

Кроме того...

— Зачем тебе это? Только давай честно.

— Наш отряд скоро реорганизуют, и я подумал, подвернулся хороший повод выжившим выпустить пар.

Райден догадывался, что дело в этом. Он косо посмотрел на Шина, но тому было плевать.

— Кажется, Легион ни сегодня, ни завтра не сдвинется с места, а еще мы недавно добыли много сахара, можно сделать какую-нибудь вкусняшку, — сказал Шин и вдруг ухмыльнулся.

У Райдена возникло плохое предчувствие.

— Еще у нас есть немного консервированных крекеров и бидоны с молоком из экстренного хранилища, плюс яйца. Я на днях нашел книгу рецептов, может, сделаем пирожное с заварным кремом. Ну как сделаем, я один и сделаю.

— Нет, без вариантов.

Шин ужасно готовил. Райден не знал, как так получалось: то он был слишком нетерпелив, из-за чего пропускал шаги и кидал все на глаз, то совсем не заморачивался и включал огонь на полную, и тогда у него все выкипало.

В общем, нормально готовить он не умел. Его и вкус пищи, вероятно, заботил меньше всего.

Шин почему-то продолжал ухмыляться.

— Не нужно стесняться.

— Я не стесняюсь, просто чувствую, что захожу на опасную территорию... А, иди ты.

Поняв, что он подшучивал, Райден почесал голову. Они знакомы друг с другом больше года. Временами Шин казался ему холодным, бессердечным ангелом смерти. И хотя он научился улыбаться, Райден не был уверен, как воспринимать его попытки подшучивания.

— Если так хочешь вкусняшек, просто скажи. Ладно, я сделаю.

История 3 — Лена + Аннет

— Знаешь, мы ведь уже завтра будем солдатами. Давай в последний день свободы пройдемся по магазинам.

И вот Лена, по приглашению Аннет, заглянула с подругой в центр города Либерте-эт-Эгалите, а именно в самый большой торговый центр первого сектора.

— Ты перегибаешь, Аннет. Мы же не в бараках будем жить, в самом-то деле.

— Ой, не будь занудой. Это лишь предлог.

Аннет выглядела поистине радостной, когда размахивала сумкой на руке. Чем заставила Лену улыбнуться.

Директор торгового центра заметил приближающихся двух молодых девушек высшего класса общества и лично вышел поприветствовать их, тем не менее его вежливо отослали обратно, после чего Лена и Аннет останавливались возле каждого магазина, который бросался в глаза.

Парадные, роскошные платья последнего писка моды, обувь, украшения, разные сладости. Все было красочным и запоминающимся, их сердца плясали.

— Глянь, Лена! Это же то самое, бело-золотое*! Примерь-ка!

□

[П/П: Скорее всего, отсылка на феномен «сине-черное платье»: на той известной фотографии кто-то видит платье с синими и черными полосками, а другие — с белыми и золотыми.]

□

— Ох, не спеши. Кстати, Аннет, тебе стоит посмотреть вон то, кружевное. На тебе будет смотреться очень хорошо.

□

— А каблук не высоковаты?..

— Не думай об этом, Лена. В них ты будешь выглядеть взрослой и классной.

□

— Аннет, смотри! Этот набор из ожерелья и сережек такой миленький!

— Я, н-наврное, такой не возьму. Мне не нравится красный цвет, как у крови. Вот, тут для меня в самый раз. Дизайн тот же, только цвет синий.

□

— Лена, выбрала что-нибудь?.. Рекомендуют торты Шварцвальдский вишневый и Фрезье клубничный.

— Не выбрала пока... Слушай, если сегодня особый день, может, возьмем оба?

□

Они целый день бодро прочесывали торговый центр, пока не пришли с сумками в кафе на самом верхнем этаже. Директор центра появился, казалось, из ниоткуда, сказал, что может доставить сумки по домам, и забрал их из рук девушек.

В кафе их провели к лучшим столикам — у окна, откуда за чаем и кофе можно любоваться живописным видом. Лена предпочитала чай, а Аннет — кофе. И то и то было синтезированным и делалось на фабриках, так что как не вари их, а воссоздать вкус настоящих зерен или листьев, какими они помнили, не получится.

Восемь главных улиц расходились от круглой площади и вели к пригородам. Улицы были красивыми, чистенькими и интересными. В целях сохранения городского пейзажа в

Республике ограничивалась этажность зданий, поэтому с кафе на крыше торгового центра, у которого не было ограничения по высоте, открывался панорамный вид. Смотря на закат над Либерте-эт-Эгалите, Аннет сказала:

— Ты хочешь стать Куратором, Лена?..

— Да. Меня уже, считай, назначили на эту должность.

— Странная ты, конечно.

Аннет, естественно, назначена в отдел исследований. Она займет место своего покойного отца.

Непонятное чувство вдруг нахлынуло на Лену, ее рука с чашкой чая застыла. Больше они не выйдут в город развлекаться, как подруги. Завтра шагнут в мир взрослых, попадут в него раньше, чем их сверстницы... Они окажутся в мире военных.

Лена повесила голову и улыбнулась.

— Спасибо за сегодня. Хорошо, что я пошла. Мы будем очень заняты с завтрашнего дня.

— А я ведь говорила. Хотя если захочешь поболтать, не стесняйся, приходи в лабораторию.

— Правда?

— Тебе я всегда рада, Лена.

Внезапно вспомнив кое о чем, Аннет поставила чашку кофе и подалась вперед. Заговорила тихо-тихо, будто делилась особым секретом.

— Я видела милейшие кружки в одном магазинчике внизу. Парные, с черным и белым кроликами. Давай купим их. Оставим в моей лаборатории, одна будет только твоей. Раз кружка — твоя собственная, приходишь будешь обязана, согласна?

Видя, как глаза подруги загорелись, будто у ребенка, Лена не сдержалась и хихикнула. Она наклонилась вперед и также перешла на шепот.

— Согласна, Аннет.

Моя лучшая подруга.

История 4 — Отряд Клеймор

— Надеюсь, уяснил. Не волнуйся, я разберусь.

— Извини...

— Тебе не за что извиняться. Отдыхай.

Сказав так, Райден Шуга — вице-капитан первого оборонительного отряда двадцать восьмого округа, «Клеймор», — поднялся со скрипучего деревянного стула. Он хотел было выйти из этой комнатки в убогом бараке и вернуться к себе, но остановился и повернулся.

— И не синхронизируйся, даже если ситуация изменилась, ты понял, Шин? Резонанс с тобой, когда ты в бреду, только запутает нас!

Увидев, как Шин вяло вытащил руку из-под одеяла и махнул, Райден закрыл за собой дверь. Он вошел в ангар, чтобы подготовиться к вылазке, и встретился со взглядами товарищей — поразительно, как мало их было. Смертность среди процессоров была высока, и большинству отрядов приходилось сражаться неполными группами.

Правда, сейчас на ногах стояли немногие не из-за смертей. В последние дни холодало, и несколько человек слегли с простудой, включая капитана, Шина. Даже самый старший в отряде был подростком, а организм детей еще не развит полностью. Стоит добавить еще ужасные условия жизни, и вспышки заболеваний зимой становились обыденным делом.

Райден не позволил волнению отразиться на лице. Одно дело, если бы слегли ненадежные новички, но без Шина и Дайи им придется худо. Впрочем, дела у этого отряда шли лучше, чем у остальных. В нем есть несколько ветеранов, а значит больным можно сказать отдохнуть и набираться сил. В большинстве других отрядов простуженных и раненых вынуждены посылать воевать, хотя по одному виду становилось очевидно, что они не смогут. Это был, по сути, смертный приговор. И да, много кто из отправленных поневоле уже не мог вернуться.

Райден увидел нахмурившегося парнишку из новичков.

— Справимся ли мы в этот раз?.. Без кэпа-то?..

Сео ухмыльнулся и без злобы сказал, что и с Шином они не будут особо в безопасности. Крена, почти ровесница Сео, угрюмо посмотрела на него.

Анжу, капитан взвода парнишки, мягко улыбнулась.

— Ты у нас парень не от мира сего, Рито-кун, так что позволь предостеречь... Если будешь

слепо полагаться на Шин-куна, рано или поздно погибнешь.

Глаза Рито широко раскрылись. На поле боя он во всем полагался на своего капитана.

— Все его команды и предупреждения нужно слушать в зависимости от ситуации. Он не сможет постоянно помогать тебе. Выживут только те, кто сам следит за ходом боя, сам выносит решения и ни на кого не полагается. Плюс... Ты должен понимать. Ни мы не будем вечно твоей нянькой, ни Шин.

Подростковое личико Рито застыло, когда он вернулся в реальность. Их поле боя было местом, где все так или иначе погибали. Парнишка, казалось, вот-вот расплачется, но Райден взъерошил его короткие волосы агатового цвета. Рито к такому обращению привык, потому совсем не удивился.

— С сегодняшним составом мы вполне справимся... Никто тут смертей не хочет. А что касается Шина, по виду так не скажешь, но он заботится о товарищах.

Настолько заботится, что Райден несколько раз сказал ему не синхронизироваться, пока болеет.

□

Как и было сказано во время инструктажа, после боя в тот день все вернулись в целости и сохранности. Райден нахмурился, стоило увидеть Шина, который вылез из кровати, чтобы проведать их.

— Я сказал тебе лежать в постели.

— Мне уже лучше. И еще ты точно захочешь услышать плохие новости как можно раньше.

Шин не соврал, хорошего сна ему хватило, чтобы к лицу вернулась краска, однако выглядел он все равно паршиво. Райден, однако, сдержался и не указал на это.

— Плохие новости?

— Нам дали знать о следующем месте службы.

Оглянувшись, Райден увидел Дайю, еще одного заболевшего в этот день. В его синих глазах больше не было характерного веселья, взгляд был холодным и жестким.

Срок службы процессоров на участках боевых действий составлял примерно полгода, это

сделано затем, чтобы предотвратить сговоры и мятежи. Спустя полгода подразделение расформировывают, а войско реорганизуют по другим отрядам. Нынешний «Клеймор» держится уже пятый месяц, и уведомление о следующем месте службы не было совсем уж неожиданным, но...

Райден взглянул вниз на Шина, тот посмотрел в ответ и проговорил своим неизменно непоколебимым, безразличным тоном:

— Все командиры взводов, включая меня, отправятся в первый оборонительный отряд первого округа.

Рито ахнул. Райден сощурился. Первый отряд первого округа.

— «Острые копья», что ли?..

Восточный фронт был самым оспариваемым и яростным полем боя, а «Острые копья» отвечал за оборону первой линии защиты.

Этот фронт забрал больше всего жизней на войне без потерь.

□

Всего на краткий миг Райден увидел ее — жуткую, холодную улыбку их капитана, «Бога Смерти».

История 5 — Дайя + Анжу

— Я услышал мяуканье в доме, снесенном снарядами Льва. Там увидел его глазенки. Через сенсор, да, но говорю тебе, наши сердца сплелись вместе!

С выражением лица рассказчика самой дешевой трагедии Дайя поднял к груди черного котенка с белыми лапками. Треугольные ушки и серебристые усики дрогнули, когда он мяукнул, пронзительно, как и подобает котенку.

— Я чуть осмотрелся и нашел, думаю, его маму. Померла под завалами. И ты посмотри, какой кроха! Такой малыш один не протянет.

Вынужденно слушая всю эту театральщину за заполнением формы для поставки снабжения, Шин устремил бесчувственные глаза на Дайю. Он гадал, чего ради Дайя открыл фонарь кабины и подверг себя опасности еще до того, как закончилась битва, пусть даже Легиона поблизости не было. Оказалось, ради котенка.

Мало того, Шин понимал, куда все идет. Он уже искал на столе что-нибудь потяжелее.

— Обещаю, что буду о нем заботиться... Можно его оставить, мамочка?

И стоило услышать последнее слово, Шин схватил со стола штык-нож в ножнах и бросил в Дайю. Тот этого и ждал, поэтому дернул головой в сторону, чтобы увернуться... и по его лбу тут же прилетело следом брошенное пресс-папье. Голова Дайи запрокинулась назад.

Котенок выпрыгнул из рук, но Анжу поймала его в нужный момент и прижала к своей груди.

— Великолепное понимание шутки, Шин-кун.

— Анжу... — жалобно протянул Дайя. — Ну хоть ты обо мне побеспокойся, какие еще шутки...

Котенок в руках девушки мяукнул, словно говорил: «Еще чего».

□

— Схожу помою его, раз такое дело. Помнишь, нам выдали те тряпки вместо запрошенных полотенец, Шин-кун? Я возьму одну.

— Хорошо.

Анжу ушла с котенком в руках, и Дайя встал на ноги, мигом придя в себя — во всех смыслах. Он видел, как Шин потянулся за старой книгой в кожаном переплете с металлическими уголками, и сообразил: лучше обойтись без неудачных шуток.

— Так что, можно оставить его?

— Я не против, — равнодушно ответил Шин.

Однако Дайя поднял руку ко лбу и с грустью замотал головой.

— А-а-а, нет, Шин, так не пойдет! Ты должен сказать вернуть его!

— ...

— Потом я буду слезно просить тебя, пообещаю, что обязательно присмотрю за ним, а ты такой: «Ох, ладно, делай по-своему!». Понял? Давай еще разок, с самого начала...

— Можем и правда попробовать, только когда я скажу тебе вернуть его, ты реально отправишься возвращать. Не на Джаггернауте.

Сегодняшний район боевых действий располагался далековато для пешей прогулки, к тому же по округе до сих пор слонялись Муравьи и самоходные мины, но Шина это не волновало.

Дайя уловил в безразличном тоне нотки серьезности и умолк, раскинув руки. Шин глубоко вздохнул.

Серьезно, ну что ты будешь делать.

История 6 — Сео + Кайе + Харуто + Файд

— И я такой аккуратнo выглядываю и вижу над рекой полчища зеленых огоньков...

— Уа-а-а-а-а, да хва-а-а-атит!..

— !..

Налив себе чашку свежего кофе, Шин вернулся и заметил орущую Кайе, которая вцепилась в Харуто, будто в плюшевую игрушку, позади нее был Сео, он, довольный, что-то прошептал. Девушка-Куратор с другой стороны синхронизации, кажется, отреагировала почти также, как Кайе.

Снаружи гремел гром. Была дождливая ночь, идеальная обстановка для страшилок. Хотя Шин сомневался, что такая погода стояла и в первом секторе, где жила Куратор.

— Та река помнила много битв, и вот призраки древних солдат почувствовали наше сражение и пробудились от вечного сна...

— Кому сказала перестать, Сео, болван!

«Это, наверное, были всего-навсего светлячки», — подумал Шин тем не менее вслух этого не сказал. Кайе закричала, Куратор была, видимо, до того напугана, что просто молчала.

Шину показалось, что мешать розыгрышу Сео того не стоит.

И он вовсе не думал про то, как забавно Лена съежилась и задрожала, будто напуганный кролик. Точно не поэтому. Харуто, которого крепко сжала Кайе, да так сильно что его лицо чуть побледнело от удушья, ухмыльнулся.

— А, я тоже что-то такое видел, — сказал он. — Черная тень в лесу. Я тогда отвернулся, а когда снова посмотрел туда, она стала ближе. Потом я снова отвернулся, затем повернулся — а она еще приблизилась...

— Уа-а-а-а-а-а!

— Мамочки!

«Зачем говорить то, из-за чего тебя душат?», — подумал Шин и тем не менее вслух этого тоже не сказал. Он встретился взглядом с Сео, положившим подбородок на руки, которые уложил на спинку стула.

— Как раз вовремя, Могильщик. Поделишься какими-нибудь историями про призраков?

— Нет... Нет таких, — сразу отказал Шин.

— Вот облом, — фыркнул от разочарования Сео.

Но потом Шин кое-что вспомнил и посмотрел на лестницу, по которой только что поднялся. Это не совсем история про призраков, однако же...

— Кстати, кто был за окном лестничной площадки? Надеюсь, он не окна мыл, в такой-то дождь.

— Погоди-ка! — воскликнули разом Кайе, Харуто и Сео.

Шин поднял бровь.

— Что это с вами?..

— Ты нас спрашиваешь? Это ты чушь несешь! Полную чушь!

— Во-первых, как ты сам отметил, на улицу в такой ливень никто в своем уме не выйдет, а, во-вторых, если этот кто-то был «за» окном площадки между первым и вторым этажом, то где он стоял?! Или что, он в воздухе завис?!

— И вообще, сам же из столовой пришел! Видел ведь, что никого нет!

Если так подумать, то была в этом доля правды.

— Может, это кто-то из неживых.

— Молчи! — прикрикнула троица на Шина так громко, как могла, заставив его умолкнуть.

Сео, Харуто и Кайе начали от страха ежиться.

— Ох, Могильщик. Ты все-таки знаешь страшилки!

— Он, наверное, привык к ужасам, вот и не страшно ему! Погоди, а сколько таких ужасов ты вообще пережил?!

— У меня душа в пятки ушла! Могильщик оказался самым страшным человеком среди нас!

На фоне визгов Шину показалось, что он услышал, как Куратор свалилась с ног, будто не могла больше этого вынести.

□

Возвращаясь со сбора ресурсов, которые можно было снова пустить в дело, Файд замер, когда услышал шум на втором этаже. Его контейнер был забит большими металлическими изваяниями, он нашел их в здании, разрушенном в бою несколько дней назад. Полированные серебристые, они были весьма красивыми и, кажется, созданы по образцу великих людей и героев. Несколько изваяний чуть накренились, потому что Файд случайно задел здание бараков.

Он моргнул разок своим оптическим сенсором, затем продолжил путь к печи для переработки на автоматической фабрике. Сбросил в печь изваяния, а также другие собранные ресурсы, после чего, похвалив себя за проделанную работу, трудолюбивый Падальщик вернулся на свое место, где встал в режим ожидания.

История 7 — Райден + Крена

— По-моему, это и жестоко, и странно...

Поскольку «восемьдесят шесть» не считали людьми, их не обеспечивали нормальной едой, жильем или одеждой, и из-за этого полевая форма процессоров и склады, где та хранилась, были все в многолетнем слое пыли. Что еще хуже, сама форма была вся заношенная и, по сути, бесполезная.

Выходило так, что процессорам нужно было овладеть некоторыми навыками, и кому-то они давались проще, чем другим.

— Слушай, а я и не знал, что ты настолько хорош в починке одежды, — сказал сидевший Райден, подпиривший щеку рукой.

— Ну не знаю. Настолько ли? — спросил Шин, чиня потрепанный рукав формы.

Насколько ужасна была его готовка, настолько, казалось бы, плохи должны быть его навыки в точной работе, вроде шитья. Райдена всегда сбивало с толку то, как Шин нарушал эту логику, но самого Шина это вроде совсем не заботило.

Крена сидела рядом, болтая ногами, будто маленькая девочка, и ждала, когда с формой будет покончено. Райден и ею был сыт по горло. Да, Шин чинил не свою форму.

— А ты что? Не ребенок ведь уже. Правь свою одежду сама, Крена.

— У меня плохо получается латать, — отвернувшись, с кислой миной сказала она Райдену.

Плохо, это еще мягко сказано. У нее не просто плохо получалось шитье, она была катастрофически неумелой в этом деле. Почему катастрофически? Когда их впервые назначили в один отряд, Шин, увидев ее попытки, тут же забрал у нее весь комплект формы и сказал, что сделает все сам.

Так он поступил вовсе не из джентльменского порыва не дать девушке поранить руки при починке грубой ткани полевой формы. Причина в том, что ее руки были все в крови, и парень не хотел впустую тратить нити.

С тех самых пор, если ее одежда рвалась, она шла к Шину. Но нижнее белье никогда не приносила. Она заискивала перед ним, думал Райден. Или пыталась так завести с ним разговор. Но Райден, как зритель со стороны, считал, что именно поэтому Шин будет видеть в ней не девушку, а проблемную сестренку.

— Майор... а что вы думаете о том, что сказала Крена?

Шин в этом разговоре обратился к Лене, которая хоть и была синхронизирована с ним, но молчала: не хотела мешать ему. По какой-то причине она не ответила, что побудило Райдена открыть один глаз.

— Что не так?

Лена долго ничего не говорила, а потом неуверенно произнесла:

— Ну... Что значит «латать»?..

Повисла тишина, и потом все разом вздохнули. Тяжело так вздохнули.

— То, что ты богатенькая принцесса, это я знал. Но как можно...

— М-да... Нет, ну такого точно не может быть.

— Майор, вы что, из тех людей, которые даже пуговицу не могут пришить?

Снова молчание.

— Пришить... пуговицу?.. Их же надо застегивать, а не пришивать...

Судя по всему, про оторванные пуговицы она не знала. Должно быть, в ее поместье работали очень умелые служанки.

— Но вы ведь продевали нитку в иголку? Скажите, что продевали.

— Нитка... Иголка?..

Кажется, она не знала самых основ шитья. Ошеломленный, Шин снова вздохнул, а Лена явно растерялась. Зато Крена с гордостью заявила:

— Даже я с таким могу справиться, майор.

— Э-э-э-э?! Нужно стыдиться, если не знаешь, как это сделать?! Капитан Ноузен?!

Шин не ответил, скорее всего, потому что он и Райден подумали об одном и том же: «Что одна, что вторая».

История 8 — Шин + Лена

— М-м...

Почувствовав небольшой вес на руке, он опустил взгляд. Крена, еще недавно игравшая с котом, прислонилась к нему и заснула. Шин ловко открыл книгу на нужной странице одной рукой и на мгновение задумался. Крена умиротворенно спала, ее дыхание было спокойным. Глядя на нее такую, он и правда подумал, что она совсем не выросла. Нет, внешне-то она стала похожа на девушку, но внутри...

Отмахнувшись от этой мысли, Шин дал Крене подремать и вернулся к чтению. В таком неудобном положении она, скорее всего, скоро сама проснется, а если нет, то он попросит Анжу забрать ее.

Тут вдруг активировался его парарейд. Прозвучало привычное приветствие Лены, ее голос отдавал приятным звоном.

— Добрый вечер, капитан Ноузен...

«Ой, плохо дело, — невольно подумал он, после чего нахмурился, потому что осознал: мысль была странной. — Что, а почему это плохо?..»

□

По-видимому, другие члены отряда, обычно проводившие время в одном месте, занимались уборкой или еще чем-то, потому что Шин был один. Вернее, Лена думала, что один, пока не услышала слабое дыхание, которое точно не принадлежало ему. Она задумчиво наклонила голову. Слабое... Будто этот человек спал.

— С вами рядом кто-то есть?..

— Ну, вроде того... Тут Крена спит.

Кажется, девушка прислонилась к нему, и он не мог двинуться с места. Представив себе эту картину, Лена хихикнула.

— Младший лейтенант Кукумила похожа на милую сестренку, правда?

— На странно прилипчивую, к тому же.

Таким тоном обычно говорят, когда нет понимания, как быть с котенком, забежавшим в дом в дождь и отказывающимся уходить. Лена рассмеялась, когда вообразила себе кислый вид Шина.

Но вместе с тем, что-то глубоко внутри нее... сильно кольнуло.

«Э?..»

Стоило лишь раз обратить внимание на это ощущение, и оно стало еще более неприятным. Почему? Почему ее это так напрягло? И как оказалось, бурные эмоции Лены были столь сильны, что Шин считал их через парарейд.

— Майор?..

— Что? — произнесла она таким звонким голосом, что сама от себя не ожидала.

— Просто... Я вас как-то расстроил?

— Нет.

И снова эта резкость.

— Вы расстроены...

— Сказала же, нет!

Шин умолк. Вопреки своим словам, Лена схватила подушку, лежащую неподалеку, и сплющила ее.

История 9 — Небесная синева в вечной тьме

Лишенные человеческих прав, низведенные до частей дронов и вынужденные воевать с Легионом на передовой, «восемьдесят шесть» тем не менее не сражались круглыми сутками.

— Это не опасно?.. Вы ходите по спорным районам на своих двоих...

Лена находилась в своей комнате в родовом поместье в мирной столице, вдали от линий фронта. Она говорила по парарейду, пока просматривала каталог с фейерверками, который взяла у продавца этих самых фейерверков.

Шин, ищущий полезные запасы в разрушенном заброшенном городе на задворках поля боя, отмахнулся:

— Все нормально, сейчас Легиона в этом районе нет. Вы же понимаете, о чем я?

— Ну, да, а как же волки, медведи или тигры?

— Легион и их атакует, если попадают в бою, поэтому они избегают спорные зоны, где сражения происходят часто. И людей тоже избегают, потому что не могут отличить их от самоходных мин.

Тут Шин безразличным тоном добавил:

— И тигры тут не водятся.

Уголки губ Лены дернулись, и она улыбнулась. Шин, кажется, подметил это. По сравнению с

первыми разговорами они теперь намного естественнее говорили на пустяковые темы.

— Вы вроде в приподнятом настроении... Чем занимаетесь?

— А? А... Как бы...

Подумав над ответом, она хихикнула. Идея та же, порохом запустить что-то из трубной установки, но цель всего этого была другой.

— Просто сравниваю артиллерийские снаряды, чтобы выбрать правильные.

— И это поднимает вам настроение?..

— О да. Уверена, вам понравится... А еще не вам меня упрекать.

Парарейд передавал голоса через коллективное бессознательное — это позволяло считывать эмоции друг друга примерно с той же точностью, как при личном разговоре. Прямо сейчас она чувствовала, что Шин, обычно молчаливый и отстраненный, проводил время в удовольствии.

К слову, он нашел вход в какое-то подземное сооружение и собирался начать своего рода исследовательскую миссию, в его руке была светящаяся палочка. «Восемьдесят шесть» постоянно старались находить интересное в повседневной жизни — может, все из-за того, что свое детство они провели в лагерях для интернированных, где было не развлечься и приходилось страшиться неизвестности завтрашнего дня. Мальчики часто утоляли жажду в изучении или поисках секретных баз.

И конечно же, она не представила себе его почти бесшумные шаги, или как он возбужденно осматривался. Он хотел сделать открытие, и при мысли об этом Лена засмеялась.

— Надеюсь, вы что-нибудь найдете. Древние руины там, или зарытые пиратские сокровища.

— Мы далеко от побережья, скорее всего, это старая заброшенная подземка. Сомневаюсь, что тут будет что-то настолько интересное.

От энтузиазма Лены Шин тепло улыбнулся. Но потом она почувствовала, что он остановился. Послышалось громкое эхо скрипа его военных ботинок, обычно не издававших ни звука. Где бы он ни находился, пространство было очень просторным.

За Гран-Мюром, в сотнях километрах, девушка слышала, как парень, чье лицо она ни разу не видела, затаил дыхание.

— Вот бы мы могли синхронизировать мое зрение... чтобы вы увидели то, что вижу я.

Шин не знал, для чего изначально служило это место. Спереди сгущалась тьма, насколько большим оно было, он не знал, но все пространство заливал темно-лазурный свет. В потолке виднелась дыра, которая, видимо, выходила на поверхность: бледное летнее солнце проливало свой свет внутрь.

Перед Шином распростерлось, казалось, бескрайнее подземное озеро с прозрачной водой — скорее всего, здесь скопилась дождевая вода. Поверхность озера едва-едва колебалась. Мраморная статуя Святой матери, когда-то украшавшая совсем другое место, безмятежно улыбалась в лазурной тьме.

Будто бесшумная смерть, Шин подошел к краю дрожащей поверхности воды.

— В религии дальнего востока считается, что синий — цвет мира мертвых, а во всех культурах бабочки ассоциируются с духами умерших...

Источником синего свечения были обломки бесчисленных Нимфалидов, погруженных в воду, их синие крылышки, как у бабочек, преломляли свет. Может, их когда-то подбил артиллерийский огонь... А может, они просто решили умереть в этом месте.

Лена настойчиво попросила его перестать. Шин улыбнулся. Удивительное дело, Куратор скорбела по погибшим... по «восемьдесят шесть», не людям даже.

— Ну да. Я тоже в это не верю... Но...

Он прекрасно знал, что ни рая, ни ада там нет, но все же чуть ли не благоговейно посмотрел вверх.

— Я все же думаю, если это последнее, что ты видишь перед концом, то все не так уж плохо.

Статуя Святой матери плыла в темной воде, на ее губах застыла благочестивая улыбка. Одна полоса белого света создала вокруг нее слабое, серебристое свечение.

История 10 — Истлевшее острие меча

Морозное сумеречное поле боя накрыл голубой страстоцвет, чудом расцветший в этом сезоне, стояла мертвая тишина вечного покоя. В этой холодной синеве Шин и пришел в себя от горячки боя, полностью занявшей его разум.

Оглядев окрестности через вуаль оптического экрана, он не увидел ни одного движения, ни одного шевеления. Среди моря цветов лежали лишь останки Легиона, выброшенные на мель и

окончательно потухшие.

Куда ни глянь, на этом поле боя, давно переставшем принадлежать человеку, врагов не осталось, как, впрочем, и людей.

На секунду он подумал, что снова остался один, но потом покачал головой. Это неправда. Его товарищи по специальной разведывательной миссии еще живы. Он просто отбил от них, слишком поглощенный боем. Сосредоточившись, он смог расслышать вздох Райдена через парарейд. Тот сказал раздраженным тоном:

— Давай возвращайся уже, придурок.

— Ага, — коротко ответил Шин, выключил парарейд и вылез из Джаггернаута.

Темнеющее небо потеряло яркие синие цвета, уступив на мгновение золотому закату, но на его смену снова пришел синий, только темного и холодного оттенка. А вокруг Шина до самого горизонта тянулась растоптанная и раздавленная лазурь, словно отражающая небесную сферу.

Обернувшись, он увидел свой Джаггернаут, помятый и с поврежденной броней и вооружением после долгого марша и постоянных боев на всем пути. Облекшийся, к тому же, в цвет высушенной кости, агрегат поистине выглядел как гниющий безголовый скелет.

Шин запасными частями чинил то, что ломалось в сражениях с начала разведывательной миссии. Высокочастотное лезвие отломилось, остроконечный поперечный срез тускло сверкал на заре. Как давно они отправились в эту миссию? И далеко ведь зашли. Наверное, они уже вышли за бывшие территории Республики.

Шин прищурился, вспоминая вверенные девушке слова. Их Куратор, Лена, доберется сюда.

□

На небо над столицей Республики Либерте-эт-Эгалите опустилась холодная синева, не загораживаемая высотными зданиями. Лена, возвращаясь домой, шла через сад снаружи военного штаба, когда вдруг остановилась и устремила взгляд на этот лазурный оттенок.

Небосвод предвещал длинную осеннюю ночь. Темное небо перед приходом зимы, сезона смерти.

«Шин и его отряд где-то там, под таким же небом? Или они...

Где они сейчас? Как далеко зашли?»

□

Догонит ли их Лена, достигнет ли места, где он стоит сегодня?

Шин думал, смотря, как солнце полностью опустилось за горизонт, и поле голубых цветов укрыло покрывало ночи. Отложит ли она то желание до конца войны? Или придет сюда в ее разгар? Голубые цветы распятия* цвели всюду, куда ни глянь. Их лозы тянулись не к небесам, а ползали по земле, цепляясь за почву — неся свои кресты.

□

[П/П: Цветок в одном докладе в 1610 году описали как воплощение Страстей Христовых, из-за чего он и получил название «Пассифлора» — цветок Страний.]

□

Он шел, не зная, как далеко забрался. Шел по полю боя, где царствовал Легион, а не человек. Сражался и двигался дальше. Временами не мог понять, жив ли еще или уже мертв. Все яснее чувствовал, как уставал от дней бесконечного марша и битв.

И все же...

«Однажды она принесет цветы».

Позади Шина находился Джаггернаут, распластавшийся, точно обесцвеченный труп, на нем был нарисован безголовый скелет. Сломанный, скелет воина, однако, имел острый край — будто конец меча, будто острие копья.

И также, как этот незыблемый край, он никогда не забудет одного, даже одурманенный полем боя. Ее лицо, незнакомое, но самое желанное.

История 11 — Котенок

Если так подумать, то раз в восьмидесяти пяти секторах нет места для «восемьдесят шесть», таких же граждан Республики, логично, что и для кошки места тоже не будет. Эта странная, тоскливая мысль пришла в голову Лены, пока она держала кошачий корм высокочассного бренда с красивым логотипом на банке.

Поскольку Республику со всех сторон окружил Легион, кошачий корм на прилавках магазинов был синтезированным, лишенный драгоценных питательных элементов. Выглядело мясом, пахло тоже мясом — а потому, наверное, эта еда была лучше синтезированных пайков, выдаваемых восьмидесяти шестому округу, которые процессоры весьма точно описывали как

«пластид».

Лена, конечно, не станет утверждать, что от кошек в таких обстоятельствах надо бы отказаться, просто приоритеты, мягко говоря, были расставлены неправильно: домашнее животное получало еду лучше, чем отправлялось другим людям.

Открыв банку с тяжелым вздохом, она положила на блюдце странный комок синтезированного белка, политого каким-то соусом и чем-то еще, таким же непонятным.

— Вот. Кушай.

Она присела на корточки и положила блюдце перед черным котенком с белыми носочками, разлегшимся на подушке в ее комнате. Этого котенка вырастили в бараке Шин и товарищи по отряду Острие копыя. Он проводил их в бой, из которого они уже не вернуться, и был оставлен Лене вместе с их последними словами. Они, вероятно, видели в нем символ мимолетного покоя.

Котенок незаинтересованно глянул на кошачий корм, сделанный намного изысканнее, чем требовалось, и отвернулся. Похоже, не жаловал синтезированный белок. Она знала, что отряд Острие копыя при удобном случае выбирался на охоту, и котенок, должно быть, привык питаться обедками.

Или, быть может... ему не нравилось, что Лена забрала у него ту жизнь и заперла внутри стен. Ее мать заявляла, что любое зверье, взятое у грязных «восемьдесят шесть», непременно будет таким же грязным — вот Лена и не выпускала котенка из своей комнаты.

А еще она была занята из-за нового отряда, «Брисингамен», и не могла проводить много времени с котенком днем. Кроме того, «природа», украшающая первый сектор, была фальшивой, хорошо вылепленной и опрысканной инсектицидами и гербицидами, поэтому за окном не видно ни жучков, ни птичек.

В той жизни котенок мог свободно бродить, мог смотреть за животными и насекомыми... и что более важно, мог быть со своей большой семьей, отрядом Острие копыя. Не то что сейчас...

— Мне жаль... Тебе, должно быть, так одиноко без них.

Она мягко погладила пушистый мех. Свернувшийся калачиком, котенок открыл один глаз и отрешенно посмотрел на нее. Ответная улыбка Лены была с оттенком грусти.

— Мне... Мне тоже без них одиноко.

Прошло уже немало времени с тех пор, как последние пять членов отряда Острие копыя ушли с восточного фронта, но она все еще ощущала потребность синхронизироваться с ними каждый

вечер. Каждый вечер она разговаривала с теми солдатами, которых знала лишь по голосам, и каждый вечер она с нетерпением ждала услышать приветствие, произнесенное спокойным голосом.

Добрый вечер, Куратор Один.

□

«Шин, как далеко ты зашел? Где ты сейчас? Погиб ли? Спишь? Я не знаю, и от этого... мне очень одиноко».

Котенок, позволявший ей гладить себя, вытянул лапку и потерся мордочкой о ее ладонь. Лена подняла его, и он прижался к груди и нежно — будто вздохнул — мяукнул.

«Мне одиноко». Ей показалось, что именно это сказал котенок.

— Да.

Мне одиноко без тебя. Ужасно одиноко.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/5057073>